

ПАЛЛИТРЫЧ

Геннадий Николаевич Майоров родился в Ленинграде в 1955 году. Окончил университет им. Н.К.Крупской (курсы актёрской грамоты и основ режиссуры). Служил в армии. Работал на радио и телевидении, собственным корреспондентом газеты «Советский спорт». Основал издательство «3 ИЮЛЯ». Автор 17 книг прозы. Публиковался в журнале «Молодая гвардия», альманахе «Подвиг». Лауреат премии Орловского комсомола, им. И.С.Тургенева, журнала «Молодая гвардия» и др. Председатель Орловского Союза журналистов, Орловского регионального отделения Союза российских писателей. Член Международной федерации журналистов. Живёт в Орле.

В какой-то момент наш двор наполнился насыщенным ароматным запахом хвои. Раньше ничего подобного в городской среде не наблюдалось, а потому с утра необычное явление стало темой номер один практически в каждой семье. Любопытные мальчишки первыми обнаружили сваленные на тротуаре возле дома еловые ветки и стали гадать, для чего они здесь. Подсказали всезнающие старушки, чей наблюдательный пункт на скамейке возле подъезда служил источником всех последних новостей-пересудов, скоропалительных выводов, а также бесплатных советов и нравоучений. Бабушки вспомнили, что так готовятся к похоронам по старинному русскому обычаю.

Но кто умер, не знали даже общественницы из дворового «бюро прогнозов». Лишь когда появился слесарь Мухин (все называли его только по фамилии, и он не возражал), следы привели к третьему подъезду. Но в подъезде пять

этажей, двадцать квартир. К кому в дверь постучалось несчастье?

Мухин с трудом шевелил мозгами после вчерашнего чрезмерного застолья по случаю предстоящего выходного. Он лишь пожимал плечами в ответ на все вопросы и показывал на окна первого этажа.

Вскоре примчался запыхавшийся домуправ Семён Семёнович по кличке «Сим-Сим» и с хodu выдохнул:

— Паллитрыч скончался.

В нашем дворе любили всем давать прозвища. Кому-то — обидные или неблагозвучные. Поэтому обращение по фамилии считалось делом привилегированным. И то верно, попробуй того же Мухина обидеть унижительным окриком, вряд ли тогда дозовёшься ершистого слесаря кран починить или какую другую работу исполнить.

Практически никто не помнил или не знал, как звали по паспорту Паллитрыча. Этот невзрачного вида маленький мужичок трудился в меру сил сантехником, но большей частью хворал, отлёживался в своей маленькой квартирке. Был тщедушным и тихим. Ни с кем не конфликтовал, наоборот, освободившись на время от болячек и пребывая в хорошем расположении духа, одаривал конфетами ребятишек. Гладил их по головам и приговаривал:

— Дай вам Бог здоровья и счастья!

Детишки радовались подаркам, спешно запихивая сладости в

рот, и улыбались доброму дяденьке. А Паллитрыч поджимал губы и беззвучно плакал. И быстрым шагом уходил к себе домой.

Любили Паллитрыча и окрестные мужики. За детской беседкой они соорудили стол и по вечерам в укромном уголке до самой темноты стучали костяшками домино. Иногда, возбудившись от накала страстей, начинали спорить на повышенных тонах, хватали друг друга за грудки. Но до мордобоя дело не доходило. Появлялся добродушный Паллитрыч, при котором почему-то не хотелось выглядеть скандалистом. Однажды, наслушавшись отборных матерных комментариев, он осуждающе покачал головой и... поставил на стол бутылку водки. Пол-литра.

Мужики тут же осеклись и недоумённо уставились на странного сантехника. Тот улыбнулся и тихо произнёс:

— Не шумите, деток распугаете. Вот, лучше охолонитесь.

Самый бойкий из доминошников — дядя Вася, огромный детина в неизменной тельняшке и с татуировкой в виде якоря на тыльной стороне ладони — аж присвистнул от неожиданности:

— Вот это по-нашему. Спасибо, отец.

Мухин не преминул вставить слово:

— Молодец, Паллитрыч!

Дядя Вася захлопал глазами:

— Чего ты сказал? — и тут же заржал. — А что? Ты, батя, у

нас давно без кликухи ходишь. А ведь надо же как-то общаться меж собой. Не обижаешься за новое прозвище?

Вновь наречённый Паллитрыч не обиделся. Он, похоже, вообще был не от мира сего. Порой слова из него не вытянешь. На грубость никак не реагировал. Ходил, словно сам в себе. Только вот шума, громких криков не выдерживал. Сразу хватался за виски, мотал головой, ладонями пытался прикрыть гримасы боли на лице.

Мужики, конечно, выпили подарочную бутылку, первый тост — за здоровье Паллитрыча. Но строгий дядя Вася тут же поставил:

— Теперь сами будем сбрасываться на выпивку. А то дед пенсии не напасётся.

— Правильно, — поддакнул Мухин. — Паллитрыч человек порядочный, можно ему деньги доверять, что на кону, он и сбегает в магазин...

Пожилой сантехник, как всегда, добродушно согласился с ролью посыльного и охотно принёс игркам поллитровки. В его присутствии разгорячённые доминошники уже не матерились, их радостные или отчаянные возгласы лишь завершались накалистыми ударами по столу. Даже вороны больше не садились на ветки рядом растущего тополя. Умные птицы предпочли убраться от опасных соседей, как говорится, на всякий случай и от греха подальше.

И вот Паллитрыча не стало. Сим-Сим подозрительно суетился,

куда-то убегал, вновь появлялся. А когда у двери квартиры Паллитрыча выставили караул в виде сержанта милиции, двор загудел. Охочие до сплетен женщины прижали домуправа к стенке, требуя подробностей, но тот только замотал руками:

— Ничего не знаю! Дело государственной важности! Ой, господи пронеси... Он же сутки пролежал в квартире, случайно обнаружили... Похороны завтра...

Но, взяв себя в руки, Сим-Сим стал лихорадочно соображать, что же ему поручено сделать вышестоящим начальством. Он уверенным жестом поманил своих активисток:

— Значит так: завтра все должны выглядеть цивильно, чтоб не осрамиться. Подъезд вымойте как следует. Да и вокруг уберитесь...

— А что за пожар? — не удержалась самая бойкая из домохозяйек. — Что ты так засуетился?

Сим-Сим посмотрел на непонятливую женщину, как удав на кролика, лицо покрылось пятнами, голос задрезжал от негодования:

— Да вы что дурочку валяете?! Начальство завтра приедет... Из Москвы!

Двор тут же притих, первые шеренги любопытных предусмотрительно попятнулись от домуправа. Сим-Сим вытер платком покрытый испариной лоб и примирительно зашептал на ухо подошедшим активисткам:

— Надо бы и в квартире порядок навести. Ну, вы знаете правила. Зеркало там занавесить, то-сё...

— Сделаем, Семён Семёнович, — закивали в ответ женщины, им уже не терпелось первыми узнать причину повышенного ажиотажа вокруг смерти простого сантехника.

— Только чтобы ни гу-гу, никому не слова, — заговорщицки зашептал Сим-Сим. — Говорят, сам секретарь горкома завтра будет...

Женщины обомлели. Надо же удостоиться такой чести!

— Сим-Симыч, — из толпы вышел дядя Вася, он помялся, как школьник на экзамене, и наконец выдохнул. — Мы тут с мужиками посоветовались и решили: сами гроб понесём. Всё же Паллитрыч был настоящий...

— Ой, — вскрикнула одна из старушек-соседок, — как же так... Мы ведь даже не знаем, как его звали. Нехорошо провожать человека в последний путь без имени-отчества...

— И правда, — замычал дядя Вася, — надо бы помянуть Паллитрыча по-человечески... Всё же не чужой...

— Погодите-погодите, — запротестовал домуправ. — Завтра помянем. Нельзя нарушать ритуал... без начальства.

— Так как же его всё-таки звали? — раздался требовательный голос из толпы.

Сим-Сим полез в свою папку, полистал какие-то бумаги, прочитал:

— Суворов Павел Дмитриевич. Вот как.

На первый план выплыл Мухин. Он прямо-таки светился от своей сообразительности:

— Братцы, мы его по другому поводу Паллитрычем обозвали. А он, выходит, и есть Паллитрыч...

— Ты чего буровишь? — зашикали на него женщины.

— Да сами посудите, — залез безил Мухин, — Павел! Значит — Пал. Дмитрич! Митрич по-нашему. Ну... А сокращённо и будет — Паллитрыч!

— Ладно, хватит демагогию разводить, — прекратил неуместные рассуждения обливающийся потом домуправ. — Расходитесь. Дел ещё по горло...

С утра погода не задалась. Накрапывал мелкий дождик. Но народ стал собираться у третьего подъезда задолго до официальной церемонии прощания с покойным. Толпа заволновалась, когда появились журналисты и в сопровождении работника горкома прошли в квартиру Паллитрыча.

— А нам когда дозvoлят с ним проститься? — вопрошали самые нетерпеливые.

— Тело ещё из морга не привезли, — отвечали самые осведомлённые.

— А почему из морга? — не унимались непонятливые.

— Потому что вскрытие делали, причину смерти устанавливали.

— А чего её устанавливать? Старый человек... не от водки же помер...

Появился Сим-Сим, пресёк досужие разговоры. Как раз вовремя: во двор въезжала похоронная машина. Домуправ раздвинул

толпу, из которой тут же ему навстречу шагнули заядлые доминошники во главе с дядей Васей. Бывший моряк выглядел на удивление гладко выбритым, при параде. По его команде мужики ловко извлекли из машины гроб, отметив, что он вместе с покойником почти ничего не весит, пронесли в квартиру, где женщины заканчивали генеральную уборку.

— Гляди, Боцман, — чуть не выкрикнул Мухин и потянул дядю Васю за рукав. Тот обернулся и оторопел.

На дверце шкафа висел парадный китель с подполковничьими погонами.

— Два ордена Боевого Красного Знамени! И Красной Звезды! — восхищённо присвистнул дядя Вася.

— А медалей-то, медалей..., — подхватил Мухин.

Мужики остолбенели от такого обилия наград. Одна из женщин вывела их из ступора, указав на комод, где разместились фронтовые фотографии:

— Вчера весь вечер разбирали. Наш Митрич, оказывается, воевал. Герой! — и с укоризной: — А вы его за блаженного держали...

— Ты что, Нюр, — залепетал, оправдываясь, Мухин, — мы к нему завсегда с уважением. Скажи, Боцман...

Дядя Вася повздыхал, долго разглядывая боевые ордена тихо-го сантехника, лицо его просветлело:

— Дурак ты, Мухин, Паллит... Митрич то есть, с нами завсегда, как с людьми, со всем уважением.

А мы даже не знали ничего о нём. И не интересовались. А рядом такой человек жил!

В квартиру чуть ли не вбежал Сим-Сим:

— Всё-всё, расходитесь. Едут!

— Да из-за кого ты так переполошился, бумажная твоя душа, — насупился дядя Вася, недовольный тем, что самым nepозво-лительным образом его отвлекли от философских размышлений о жизни.

— Сын его приехал. Генерал! — Сим-Сим жадно хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная нежданным штормом на берег. — Давайте, братцы, в сторонку. Не мешайте людям проститься...

К подъезду подкатили две «Волги». Секретарь горкома партии сопровождал двух военных — генерала и полковника. Из машины извлекли два венка и большой букет цветов.

Генерал оглядел собравшихся людей, поздоровался и, сняв с головы фуражку, прошёл в подъезд. Несмотря на усилившийся дождь, народ всё прибывал и прибывал. Мальчишки под присмотром взрослых начали устилать дорогу еловыми ветками. От влаги аромат хвои только усилился, и лёгкий ветерок разносил его далеко за пределы двора.

Минут двадцать генерал неподвижно стоял в изголовье гроба, прикусив губу. Скорбные морщины рваными разломами наползали на лоб, давили на переносицу. Было видно, что ему тяжело даётся это последнее свидание с отцом. Словно оправдываясь —

ни к кому не обращаясь — генерал пробурчал:

— Вот ведь как вышло... Всё времени не находил отца навестить. Служба, будь она...

Заметив притихших в стороне женщин, наводивших до этого порядок в комнате, он подошёл к ним, поклонился:

— Спасибо за помощь. Я вижу, к отцу здесь хорошо относились. Спасибо ещё раз.

Обернувшись к дяде Васе, обхватившему крышку гроба, рывком извлёк из внутреннего кармана портмоне, не считая, достал несколько двадцатипятирублёвок:

— Прощу вас, помяните потом отца. Он это заслужил.

Дядя Вася от испуга хотел было попятиться, но упёрся в стену, отчаянно замотал головой:

— Что вы, что вы... Мы за Дмитрича... само собой...

— Да вы не стесняйтесь, — глаза генерала увлажнились, — мне про ваше доброе отношение к отцу рассказывали. Спасибо и вам... Батя ведь на фронте арtdивизионом командовал, на Курской дуге получил страшное

ранение в голову. Возможно, это сказалоcь на психике. Потому он иногда странным казался...

Секретарь горкома тут же обозначил своё присутствие:

— Мы, товарищ генерал, примем решение о мемориальной доске на доме, где жил ваш отец. Увековечим память о его подвигах. Всё сделаем как положено.

Грянул оркестр. Сим-Сим дал команду выносить гроб. Заревели женщины. Запричитали старушки. Давненько наш двор не видел такого количества людей на похоронах...

С тех пор о традиции проводов в последний путь с еловыми ветками никто не вспоминал, хотя люди в нашем дворе периодически умирали. А вот Паллитрыча поминали каждый раз, особенно на День Победы. Но только неугомонный дядя Вася после выпитого непременно начинал ругать Советскую власть. И было за что, ведь секретарь горкома слова своего так и не сдержал. До сих пор на доме нет мемориальной доски в честь отважного артиллериста.